

локальной скотоводческой терминологией, которая может служить в дальнейших исследованиях важным историко-этнографическим источником.

В заключение хотелось бы остановиться на одном вопросе, весьма актуальном для понимания уровня и особенностей социально-экономического развития горцев Кавказа, в частности Грузии. Вопрос этот, как известно, до сих пор является дискуссионным в советской исторической науке. По мнению М. Н. Макалатия, в XIX в. пастбища в Тушети, Пшави и Хевсурети принадлежали в основном сельским общинам. Часть пастбищ была собственностью «родовых общин» (с. 109), которые, по мнению Р. Л. Харадзе, исследователя общественного строя горцев Грузии, пережиточно сохранялись в горах восточной части страны. В данном случае совершенно неясным представляется само понятие «родовая община», которое М. Н. Макалатия не раскрывает. Столь же нечетко различаются в книге категории земельной собственности (пастбища, покосы, пахотные участки), составлявшие собственность как сельской общины, так и отдельных семей (с. 119). Видимо, исследование некоторых вопросов общественного строя горцев Грузии, затронутых в монографии М. Н. Макалатия, еще впереди. В целом же рецензируемый труд является одной из наиболее интересных работ по этнографическому грузиноведению, вышедших за последние годы.

В. Д. Игоншвили

Абазинские народные сказки. М.: Наука, 1985.

Сегодня нет необходимости доказывать роль фольклора в духовной жизни любого народа. Устное поэтическое творчество народов нашей страны и сегодня играет значительную роль в формировании всесторонне развитого человека. В современных условиях традиционный фольклор переживает новый и весьма специфический этап в своем развитии.

Многие проблемы, связанные с изучением фольклора, требуют неотложных решений. Одной из них является проблема собирания, сохранения и издания памятников фольклора.

В 1985 г. в серии «Сказки и мифы народов Востока» стотысячным тиражом был издан сборник «Абазинские народные сказки», вышедший под грифом Института востоковедения АН СССР и Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Составление и перевод текстов сказок с абазинского языка на русский, вступительная статья и примечания принадлежат известному абазинскому литературоведу и фольклористу, автору ряда исследований по абазинской литературе и фольклору, учебников и учебных пособий для абазинских школ В. Тугову. Ответственный редактор книги и автор типологического анализа сюжетов сказок — научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького А. Алиева.

Первые записи и публикации памятников абазинского фольклора появились на языке оригинала в начале 1930-х годов и были осуществлены основоположником абазинской литературы Т. Табуловым. За прошедшие годы проделана значительная работа, изданы разные по содержанию и объему фольклорные сборники, некоторые из них опубликованы и в переводах на русский язык¹.

Однако лишь рецензируемый труд дает возможность более полно представить тематику и сюжетный состав сказочного эпоса абазин. Записи большинства опубликованных в сборнике сказок осуществлены за последние четыре—пять десятилетий, что помогает в определенной степени судить о судьбах и бытовании традиционных жанров фольклора в наши дни. Составитель сборника провел скрупулезную работу по отбору наиболее характерных, подлинно народных и художественно совершенных образцов абазинских сказок. Значительная часть их записана самим составителем.

В содержательной вступительной статье к сборнику В. Тугов сообщает сведения о главных вехах истории абазинского народа, характеризует основные жанры абазинской народной прозы, в том числе сказок, определяет место и объем этого жанра в абазинском фольклоре, раскрывает идейную и эстетическую сущность сказки, выявляет ее роль в духовной жизни народа, делает очень интересные наблюдения над современным бытованием традиционной фольклорной прозы. В целом вступительная статья написана сжато, с превосходным знанием конкретных материалов и с учетом достижений современной советской фольклористики.

При издании фольклорных материалов первостепенное значение всегда имеет принцип их расположения, что непосредственно связано с проблемой классификации фольклорных произведений. Составитель сборника, исходя из сюжетного и тематического признаков сказок, учитывая также жанровые особенности, выделил четыре группы сказок: о животных, волшебные, бытовые, сказки-анекдоты (особо выделен сюжет с Хадже Насреддине).

Наиболее древними считаются сказки о животных. У абазин их сохранилось сравнительно мало и в рецензируемом сборнике представлено всего 26. Значительную груп-

¹ См. например: Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.

пу составляют волшебные сказки. Интересен их сюжетный состав. Наряду с самобытными встречаются сюжеты, совпадающие с общемировыми и общекавказскими. Особенно много общего со сказками этнически родственных абазинам адыгов и абхазов. Конечно, каждое такое совпадение сюжетов нуждается в конкретном исследовании, так как оно могло возникнуть в результате этногенетического родства, заимствований или конвергентного развития культур разных этносов. Абазинский фольклор и сказки в частности обнаруживают явные следы заимствований из фольклора абхазов и адыгов, а также других народов Кавказа, в контакте с которыми абазины живут веками. Например, основа сюжета сказки «Айдамир и его приемный сын» восходит к адыгскому историко-героическому сказанию об Айдамыркане (кстати, фольклорное прозаическое произведение об этом герое известно и абхазам). Абазинские сказки проявляют сходство со сказками других народов не только в сюжетном отношении, но в композиционном построении, в троекратности действия и т. д. Однако такое сходство ни в коем случае не означает полной тождественности сказок разных народов. Напротив, у каждого народа сказка имеет и целый ряд специфических особенностей. Так, например, сюжеты героического сватовства, борьбы героя со злыми мифическими существами и социальными силами в абазинских сказках представлены в этноспецифическом восприятии и оформлении.

Абазинские сказки отличаются гуманизмом и демократичностью. В них в постоянном единоборстве добра и зла, света и тьмы, правды и кривды неизменно торжествует и одерживает победу добро, свет, правда. Главным героем абазинской волшебной сказки всегда является социально обездоленный — выразитель народных идеалов определенной эпохи, определенной социальной среды, как правило, крестьянской. В схватках с грозными мифическими существами и злыми социальными силами помощниками такого героя выступают различные животные. Так, конь обладает необычайной силой, даром провидения и перевоплощения — он верный друг героя. Постоянными социальными антиподами главного героя выступают представители феодальной знати.

Абазинские сказки характеризуются глубокой арханчностью. Например, борьба сказочного героя с великанами (*айныжи*), с алмасты (громадные вредоносные мифические существа женского пола) и др. олицетворяет борьбу древнего человека с грозными явлениями природы. В сказках различимы следы древнейших верований: анимизма, тотемизма, культа предков, домашнего очага, мертвых и др.

В волшебных сказках многочисленны примеры контаминации сюжетов. Часто в одной сказке древние сюжеты переплетены с сюжетами социально-бытовыми сравнительно позднего происхождения. Такую контаминацию древнего сюжета волшебной сказки с сюжетом историко-героического сказания о набегах находим в тексте «Карабатыр и Какана», а также в сказках «Джиба-Джу и сын старика и старухи», «Сын наседки» и др.

Социально-бытовые сказки отличаются от волшебных рядом особенностей. В них, как правило, отсутствуют мифические существа, зато во множестве представлены социально противоборствующие силы. Наиболее излюбленными являются темы чужеземных набегов, сатирического изображения феодальной знати и духовенства. Значительное место занимают и семейно-бытовые темы.

Несколько слов о качестве перевода. Конечно, при переводах сказок неизбежны потери каких-то особенностей. Однако В. Тугов старался максимально приблизить свой перевод к оригиналу, сохранить не только сюжетную и композиционную структуру, но и их стилистические особенности. Максимально точный перевод ряда устойчивых, повторяемых и характерных выражений и фразеологизмов способствует сохранению своеобразия абазинской сказки на русском языке. В. Тугову удалось сохранить и в переводе эти особенности, в необходимых случаях он дал их объяснения в примечаниях.

Сборник «Абазинские народные сказки» — еще одно свидетельство тому, что народное поэтическое творчество неисчерпаемо, оно вызывает глубокий интерес у каждого нового поколения.

С. Л. Зухба

«Рода нашего напевы». Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов/Составители Ки у р у Э. С., Л а в о н е н Н. А. Петрозаводск. 1985. 272 с.

В ознаменование 150-летия «Калевалы» у нас и за рубежом вышел в свет целый ряд работ, посвященных карело-финскому эпосу. Впервые в таком большом объеме вышли в русском переводе избранные песни из сборника «Кантелетар» и «Путешествия Элиаса Лённрота» — путевые очерки, дневниковые записи и письма Лённрота, освещающие историю собирания фольклорного материала и создания «Калевалы» и «Кантелетар». Среди подобных изданий важное место занимает работа, подготовленная сотрудниками Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, «Рода нашего напевы». Впервые в истории карельской и финской фольклористики предпринята публикация наследия одного рунопевческого рода. До сих пор отдельно издавались только руны Архиппы Перттунена (в 1948 г. в Петрозаводске на русском